

Александра ЗАХАРОВА:

Я не умею «прыгать и не думать»

Моск. правда. - 1998.
№ 46. - с. 11

Лицом к лицу...

Бывает так: смотришь спектакль, и кажется - актер продемонстрировал все, чем владеет профессионально, причем сделал это ярко и целостно. Но появляется новый спектакль, и ты понимаешь, что ошибался. Перед тобой - совершенно неизвестный человек с совершенно иным арсеналом выразительных средств. Творческой судьбе Александры Захаровой, о которой идет речь, можно позавидовать: Офелия, Нина Заречная, графиня в «Женитьбе Фигаро»... Фильмы «Формула любви», «Убить дракона», «Дом, который построил Сизиф», «Криминальный талант», «Тонкая штучка» (новая картина режиссера А.Полынникова). Александра каждый раз умудряется уходить очень далеко от того, что делала в предыдущей работе. Именно об этом когда-то просил своих артистов Мейерхольд, именно этому ее учит Марк Анатольевич Захаров - ее отец.

- Саша, ваша Нина в «Чайке» приходит к осознанию того, что актерская профессия - это крест и вера, а не успех, цветы и восторги зрителей. Ваши родители в полной мере познали тяжесть артистической профессии. Не сопротивлялись ли они вашему желанию стать актрисой?

- Я росла в театральной семье. В наш дом приходили известные артисты, сценаристы. Что-то обсуждали, спорили. Я с детства дышала этим воздухом и, по большому счету, не знала о существовании чего-то другого. Мама всегда водила меня на спектакли. Я выросла «за кулисами». Помню, как лет в шесть в дом пришли Андрей Миронов и Александр Ширвиндт. И Миронов, смеясь, сказал отцу, указывая на Ширвиндта: «Марк, вот тебе с кем надо дружить. Вот у кого бла-то надо иметь». Потому что Александр Анатольевич Ширвиндт к тому времени уже был великолепным педагогом и преподавал в Щукинском театральном училище. Мои родители никогда не были против моего выбора. Однажды, правда, у них была слабая попытка внушить

мне, чтобы я занялась чем-нибудь другим. Но я артисткой хотела быть с детства. Вопрос, кем именно... Балериной? Для этого надо много работать. Певцей? Для этого надо было иметь слух и голос. Актрисой? Для этого ничего не надо было делать. (Смеется). Так я тогда считала.

- Это ощущение трансформировалось со временем?

- Мне сложно рассуждать о профессии. Для этого надо чего-то достичь. Того уровня, которого, скажем, достигла Инна Михайловна Чурикова. Я сейчас стараюсь уходить от категоричных оценок. Так как замечаю, что часто думаю одно, а через минуту убеждаюсь, что была не права.

- Вокруг вас были талантливые люди, у которых можно было многому поучиться. Кто принимал участие в процессе вашего становления?

- Самое сильное влияние оказали мама и отец. В Щукинском театральном я училась на курсе Юрия Васильевича Катина-Ярцева. Это удивительный педагог. Его ученики - Гундарева, Симонова, Богатырев, Райкин... Вот и наш

курс в 40 человек почти целиком остался в московских театрах. Катин-Ярцев умел создавать праздничную атмосферу. Он организовывал пространство так, что каждый раскрывался неожиданно, по-новому. Он учил нас самостоятельно пробиваться, цепляться, учил устоять на ногах. С нами по очереди работали все мастера Вахтанговского театра. Юрий Васильевич понимал, что это была определенная подпитка, крещение вахтанговской театральной средой. Он старался дать пищу нашим мозгам, сердцам, душам. В актерской профессии существует конкуренция. Выстоять в ней сложно. Но Юрий Васильевич был бесконечно внимателен к каждому, беседовал, разбирал, чего кому не хватает. И тебя при этой конкуренции опекали, облизывали, обогревали так, что каждый ощущал себя под защитой.

- Следующим человеком был Марк Анатольевич?

- Когда меня спрашивают про Марка Анатольевича, то я чувствую себя очень странно. Он мне настолько родной и близкий... И при этом я понимаю, что он - гений. Я репетировала с ним три большие роли в спектаклях «Чайка», «Женитьба Фигаро», «Варвар и Еретик». И чувствовала себя по-настоящему счастливой, осознавая, что работаю с Марком Анатольевичем Захаровым. Но большие роли пришли

не сразу. Я десять лет носила табуретки в «Тиле» в массовке.

- Как вы себя при этом ощущали? Обиды, разговоры по этому поводу дома бывали?

- Никогда. Но в какой-то момент я просто написала заявление об уходе. Уходила в никуда. Меня ведь после окончания института приглашали сразу пять театров. И один очень известный режиссер несколько раз звонил и говорил, что это безумие, идти работать к отцу. Тем не менее я очень хотела работать именно с отцом. С одной стороны, мне жалко этих десяти лет. С другой - у каждого своя судьба, свой путь. Евгений Павлович Леонов тоже десять лет провел в массовке. Десять лет в массовке дают возможность наблюдать за большими артистами. Я бегала в спектакле «Тиль», смотрела, как рядом удивительно работают Инна Михайловна Чурикова и Николай Петрович Кораченцов.

- Зато вас заметил другой режиссер - Глеб Панфилов.

- Если бы не он, то неизвестно, что было бы дальше. Панфилов подарил мне не только роль Офелии, но и ощущения, связанные с такой глобальной работой. Мне сложно оценить то, что я там делала. Но я играла вместе с Инной Михайловной Чуриковой, Олегом Ивановичем Янковским, Александром Викторовичем Збруевым, Александром Гавриловичем Абдуловым, Михаилом Михайловичем Козаковым. И это был настоящий праздник. А то, как придумана Панфиловым сама роль этой девочки, которая сошла с ума на почве своей невестебеванности, как мать и как любимая - это, по-моему, было замечательно. Девочка с куклой, трансформирующейся в ее сознании в ребенка...

- Ваша Нина в «Чайке» не повторяет в чем-то Офелию?

- Как Офелия, так и Нина Заречная - роли сложные, так как на глазах зрителя мало что происходит. Все действие совершается за «кадром». Кстати, недавно в Россию приезжал

один интересный французский режиссер, который сказал, что «Чайка» - пьеса о плохой актрисе. Я с ним не согласилась. Я думаю, что Заречная - очень талантливая актриса. И что толку было Чехову писать о плохой актрисе? Но артист - это определенная группа крови, это человек больной, так как он не может жить без своей работы. И если он не работает, то погибает. Кончает жизнь самоубийством, бросается под поезд или умирает тихо. Мы знаем такие случаи.

У меня в последнее время появилось ощущение, что сам театр переместился в нашу повседневную жизнь. И сценаристам ничего больше не надо придумывать - ходи, наблюдай и записывай. Я поехала на Тишинский рынок. Спрашиваю: «А что же кур нет?» Мне отвечают: «Не сезон!» Я посмеялась. Подхожу к продавцу овощей. Он мне говорит совершенно серьезно: «Конечно, что ж в такое время кур-то забивает?» Я улыбнулась и подумала - российский юмор, ну пусть будет «не сезон». Подошла к цветам. Говорю: «Вот цветов, я его купила, поливаю, опрыскиваю - не расцветает». Меня спрашивают: «А между какими цветами цветок-то стоит? Ты смотри, чтобы тебе другие цветы скандал не устроили». Стало постепенно складываться ощущение, что я - в психушке. Наконец, днем в спортзале тренер сказал: «Ну что, солнце мое, ну-ка все мысли выкинула из головы! Ну-ка не думать! Прыгать! Прыгать и не думать!!! Не думать!!!» И тут я поняла, что я не могу «прыгать и не думать». Вот в чем моя беда.

- Ваши ближайшие планы?

- Выжить. Сейчас всех одно и то же волнует, что будет со страной, с близкими, с театром. Выживем или нет? У нас в «Варваре» оканчивается спектакль замечательным текстом из «Трех сестер»: «Придет время, и все поймут, для чего эти страдания. Никаких не будет тайн». Очень хочется Чехову поверить.

Елена КУРБАНОВА.